

ВОЛЬТЕР, ЖАННА Д'АРК И ОСЕЛ. К ИСТОРИИ ОДНОГО МОТИВА

О. И. Тогоева

«Итак, вот „Иоанна“ во всей своей чистоте».

Вольтер. Орлеанская девственница

В истории Франции найдется мало героев, чьи имена знакомы нам со школьной скамьи. Мы помним императора Наполеона, чья Великая Армия потерпела поражение и почти полностью погибла в России во время Отечественной войны 1812 г. Мы помним генерала де Голля, создателя французского Сопротивления, союзника СССР во Второй мировой войне, первого президента Пятой Республики. И мы, конечно же, помним Жанну д'Арк, хотя ее жизнь не была связана с историей нашей страны и с войнами, которые та вела. Ее история — это история совсем *другого* конфликта, длительного противостояния Франции и Англии, названного историками XIX в. Столетней войной.

Далеко не каждый из нас сможет сказать, когда начался или когда закончился этот династический и военно-политический конфликт, в действительности охватывающий не менее трехсот лет, с XII по XV в. Однако все мы хорошо знаем, что центральное место в его истории всегда отводилось именно Жанне д'Арк, что именно вокруг ее фигуры не утихали споры ни в средние века, ни значительно позже, когда из открытых дебатов они перешли в скрытое противоборство,

---

Ольга Игоревна Тогоева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории, ответственный секретарь альманаха «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории».

Статья подготовлена при поддержке гранта Американского Совета Научных Сообществ в области гуманитарных наук (ACLS Humanities Program). Я благодарна своим коллегам Н.Т.Пахсарьян, Т.Ф.Теперик, Д.Ю.Бовыкину и А.В.Чудинову за помощь, оказанную при ее написании.

а из сферы политики переместились в область литературы и искусства.

Конфликт *культурных традиций* в восприятии того или иного исторического персонажа далеко не всегда бывает выражен эксплицитно, он не бросается в глаза, а потому редко становится предметом специального интереса историка. Но именно эти качества и делают его порой столь привлекательным для исследователя. Дешифровке одного из таких противостояний, анализу его возможных исторических и литературных истоков и посвящена данная статья.

* * *

«Орлеанская девственница», одно из самых скандальных, но более других любимое самим автором произведение Вольтера², не часто привлекает внимание специалистов по эпопее Жанны д'Арк. Действительно, с точки зрения исторических фактов, поэма не может сообщить исследователю ничего особо нового, поскольку посвящена она всего одному, причем хорошо известному эпизоду из жизни французской национальной героини — ее участию в снятии осады с Орлеана весной 1429 г. О сочинении Вольтера вспоминают, лишь когда речь заходит об общественном резонансе, вызванном его публикацией в 1762 г. и ускорившим процесс беатификации (а впоследствии и канонизации) Жанны³. Изучение самой «Девственницы» является уделом, скорее, литературоведов, которых интересует в ней прежде всего язык и стиль автора⁴, структура произведения⁵, а также раз-

² Как о своем «самом любимом произведении (de tous mes ouvrages, celui que j'aime le mieux)» Вольтер вспоминал об «Орлеанской девственнице» в беседе с мадам Сюар, навестившей его в Ферне в 1775 г.: Suard A. Lettres à son mari. P., 1802. Lettre VI.

³ Споры вокруг «Орлеанской девственницы» и фигуры Жанны д'Арк во французском обществе XVIII в. подробно изложены в: Raknem. Joan of Arc in History, Legend and Litterature. Oslo, 1971. P.71–75; Winock M. Jeanne d'Arc//Les lieux de mémoire/Sous la dir. de P.Nora. III: Les France. T.3. De l'archive à l'emblème. P., 1992. P.675–733, здесь P.680–686; Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P., 1993. P.33–34, 172, 196–202, 266; Warner M. Joan of Arc.The Image of Female Heroism. L., 2000. P.237–254.

⁴ См., к примеру: Пахсарьян Н.Т. История зарубежной литературы XVII–XVIII веков. М., 1996. С.78–88; Linder M. Voltaire und die Poetik des Epos: Studien zur Erzähltechnik und zur Ironie in «La Pucelle d'Orléans». München, 1980; Bessire F. De l'épopée burlesque à l'Histoire: la Jeanne d'Arc de Voltaire//Images de Jeanne d'Arc/Sous la dir. de J.Maurice, D.Couty. P., 2000. P.189–196.

⁵ Ермоленко Г.Н. Нарративная структура поэмы Вольтера «Орлеанская девственница» как средство создания иронического, пародийного текста//Ирония и пародия.

личные художественные тексты, на которые Вольтер опирался при его написании⁶.

Историки и филологи движутся таким образом параллельными путями, не пересекаясь друг с другом и, как следствие, оставляя явные пробелы в исследовании этого любопытного произведения⁷. К числу последних, как представляется, относится и вопрос об *исторических* корнях некоторых литературных мотивов, задействованных Вольтером. И прежде всего, мотива *катания на осле* — одного из важнейших для понимания образа главной героини «Орлеанской девственницы».

* * *

Поэма Вольтера представляет собой типичную рамочную историю. Ее сюжет — явление Жанны д'Арк ко двору Карла VII и освобождение французскими войсками под ее предводительством Орлеана, осажденного англичанами — постоянно переплетается с отдельными, часто не связанными с основной фабулой новеллами, в которых Жанна даже не упоминается. По наблюдениям Жерома Веркрюса, историям Карла VII и Агнессы Сорель, Дюнуа, Ла Тримуйля и его Доротеи, Аронделя и Розамор, Агнессы и Монроза посвящены 6 песен из 21, т. е. четвертая часть всего текста⁸.

Считается, что сложная структура «Орлеанской девственницы» была заимствована автором у Лудовико Ариосто⁹. На основе

Межвузовский сборник научных статей/Под ред. С.А.Голубкова, М.А.Перепелкина, В.П.Скобелева. Самара, 2004. С.53–69.

⁶ О влиянии на Вольтера античной традиции см.: *Mat-Hasquin M.* Voltaire et l'antiquité grecque. Oxford, 1981; *Tsien J.* Voltaire and the Temple of Bad Taste: A Study of La Pucelle d'Orléans. Oxford, 2003. О библейских сюжетах, задействованных в «Орлеанской девственнице»: *Russo G.M.* Sexual Roles and Religious Images in Voltaire's La Pucelle // *Studies on Voltaire and the Eighteenth Century*. 1977. N 171. P.31–53 (далее: SVEC). О возможном влиянии Рабле: *Nablow R.A.* Was Voltaire Influenced by Rabelais in Canto V of the *Pucelle*? // *Romance notes*. 1980–1981. N 21. P.343–348.

⁷ К числу редких исключений стоит отнести статью Доминик Гой-Бланке, посвященную исследованию исторических и литературных истоков сразу двух мифов о Жанне д'Арк — о ее королевском происхождении и возможной беременности во время процесса 1431 г.: *Goy-Blanquet D.* Shakespeare and Voltaire Set Fire to History // *Joan of Arc, a Saint for All Reasons*. Studies in Myth and Politics/Ed. by D.Goy-Blanquet. Burlington, 2003. P.1–38.

⁸ *Vercruysse J.* Jeanne d'Arc au siècle des Lumières // SVEC. 1972. T.90. P.1659–1729, здесь P.1704.

⁹ *Ермоленко Г.Н.* Поэма Вольтера «Орлеанская девственница как гипертекст // XVIII век: Литература в контексте культуры/Под ред. Н.Т.Пахсарьян. М.,

его рыцарской эпопеи «Неистовый Роланд» (1502-1532) были созданы жанровый тип рокайльной поэмы Вольтера, разработана система персонажей и сюжет, весьма упрощенный и выстроенный в симметрическую композицию, с повторами и вариациями отдельных мотивов¹⁰. Под влиянием Ариосто в поэме появились индивидуализированный образ повествователя, от чьего имени велся рассказ, а также ссылки на труды несуществующих авторов, якобы писавших о Жанне ранее и заслуживающих всяческого доверия (т. н. «цитатная ирония»)¹¹. Из «Неистового Роланда», как полагают, были заимствованы и некоторые мотивы «Орлеанской девственницы»: эротические преследования, удаленность мира волшебства от мира людей, а также — встреча героя (Жанны д'Арк) с верным спутником, крылатым конем (ослом), и пережитые ими вместе приключения¹².

По версии Вольтера, осел появляется в жизни французской национальной героини в самый ответственный момент. Жанна примеряет доспехи, доставленные ей св. Денисом, покровителем королевства, и рассматривает свое новое вооружение: шлем Деборы, булыжник Давида, клинок Юдифи и ослиную челюсть, послужившую в свое время Самсону. Единственное, чего ей не хватает, чтобы быть полностью готовой к встрече с врагами-англичанами — боевого коня: «У героини конь обязан быть;/У злого ль конюха его просить?/И вдруг осел явился перед нею,/Трубя, красуясь, изгибая шею»¹³. Верхом на нем Жанна устремляется сначала в Тур, дабы вырвать из сладких объятий Агнессы Сорель Карла VII; вместе с королем скачет под Орлеан, где громит врагов; оказывается в замке Гермафродита; пропадает на некоторое время из поля зрения читателя, чтобы затем вновь объявиться под стенами Орлеана, дать решающий бой англичанам и одержать победу.

Указание на близость осла Жанны и гиппогрифа, придуманного Ариосто, действительно содержится в тексте Вольтера:

1999. С.40–49; *Костюкович Е.* Продвинутый Орланд // Новое литературное обозрение. 2004. N 70. С.305–330, здесь С.314, 318, 321; *Calin W.* Love and War: Comic Themes in Voltaire's *Pucelle* // French Forum. 1977. N 2. P.34–46, здесь P.34, 37, 43–44; *Russo G. M.* Op. cit. P.31; *Vercruyse J.* Op. cit. P.1703.

¹⁰ *Ермоленко Г.Н.* Поэма Вольтера. С.40–43.

¹¹ Там же. С.45; *Ермоленко Г.Н.* Нарративная структура. С.56–59.

¹² «Функции, которые он выполняет в поэме, вызывают ассоциации с гиппогрифом, летающим конем из поэмы Ариосто» (*Ермоленко Г.Н.* Нарративная структура. С.61–62). См. также: *Calin W.* Op. cit. P.37, 43; *Warner M.* Op. cit. P.239.

¹³ *Вольтер.* Орлеанская девственница/Пер. с фр. под ред. М.Лозинского. СПб., 2005. С.26.

«Так некогда Пегас в полях небесных
Носил на крупе девять дев чудесных,
И Гиппогриф, летая на луну,
Астольфа мчал в священную страну»¹⁴.

Они и правда похожи: оба — крылаты, оба — чудесного происхождения, оба верно служат своим хозяевам. Однако различий между ними гораздо больше, нежели сходства.

Несмотря на то, что владельцу гиппогрифа Астольфу отводится по сюжету важная роль (он должен излечить от безумия Роланда, доставив с Луны его ум), его — в отличие от Жанны д'Арк — нельзя назвать главным действующим лицом поэмы. Это всего лишь веселый искатель приключений, а не последняя девственница французского королевства, призванная спасти страну от захватчиков. Его гиппогриф, будучи, безусловно, фантастическим существом, не является тем не менее посланцем небес, тогда как осла, наравне с доспехами и оружием, дарует Деве сам Господь. Гиппогрифа же вырастил Атлант, чей замок разрушает Астольф, который после гибели хозяина забирает его питомца себе.

И все же главное отличие между ослом Вольтера и гиппогрифом Ариосто кроется в природе их отношений с хозяевами. Астольф, насколько можно судить, не испытывает к своему спутнику какой-то особенной привязанности — он и до появления в его жизни гиппогрифа совершил множество прославивших его подвигов. Жанна, напротив, получает крылатого осла именно для того, чтобы исполнить свою миссию. Это таким образом — животное-помощник, персонаж, хорошо знакомый как по волшебным сказкам, так и по средневековым рыцарским романам и жестах. Достаточно вспомнить Грани, Бабьёку, Вельянтифа, Тансандора — боевых коней Сигурда, Сида, Роланда, Карла Великого, чтобы понять, какую роль должен в идеале играть осел Орлеанской Девы. На деле, впрочем, все оказывается далеко не так просто: осел, согласно Вольтеру, обязан не только служить Жанне в бою, но и охранять ее девственность, являющуюся залогом ее успеха: «Итак, осел, которому Денис/Доверил честь...»¹⁵.

Парадокс ситуации (и ее комизм) заключается однако в том, что осел не может исполнять свой долг, будучи влюбленным в Жанну:

¹⁴ Там же. С.27.

¹⁵ Там же. С.73.

«Давно питая в сердце тайный пыл
К прекрасной Девственнице, полной сил, —
Строй нежных чувств, которые едва ли
Ослы простые на земле знавали»¹⁶.

И как только в посланца небес вселяется демон, он спешит воспользоваться представившимся случаем и соблазнить свою прекрасную наездницу:

«Святой осел забыл тотчас же стыд:
Из стойла прямо в спальню он спешит,
К постели, где, пленившись сладкой ложью,
Иоанна сердце слушала свое»¹⁷.

Страстные речи влюбленного осла пленяют Жанну и поселяют в ее душе смятение:

«Иоанна д'Арк, терзаема сомнением,
Конечно, втайне польщена была
Таинственным и сильным впечатленьем,
Произведенным ею на осла»¹⁸.

Однако, сила духа, мысли о Франции, помощь св. Дениса и Дюнуа помогают ей справиться с собой — она отвергает «адские соблазны», не смотря на всю их привлекательность.

Что же касается осла, то его явная влюбленность в Жанну как раз и делает сомнительным его сопоставление с гиппогрифом Астульфа, который, как известно, никаких нежных чувств к своему хозяину не питал. Очевидно, что прообраз крылатого спутника Орлеанской Девы следует все же искать в других литературных источниках, указания на которые, впрочем, содержатся в тексте самой поэмы.

* * *

Прежде всего, следует обратить внимание на греческие мифы, которые были хорошо знакомы Вольтеру и в которых постоянно встречаются волшебные животные, испытывающие страсть к своим возлюбленным¹⁹.

---

¹⁶ Там же. С.162.

¹⁷ Там же. С.231.

¹⁸ Там же. С.235.

¹⁹ О знакомстве Вольтера с греческой мифологией и литературой см. прежде всего: *Mat-Hasquin M.* Op. cit.; *Tsien J.* Op. cit.

О некоторых из них напоминает Жанне осел, пытаясь склонить ее к близости:

«Пусть — Франция, война, победа;
Однако лебедя любила Леда,
Однако дочь Миноса-старика
Всем паладинам предпочла быка,
Орел унес, лаская, Ганимеда,
И бог морей, во образе коня
Филиру пышнокудрую пленя,
Был вряд ли обольстительней меня»²⁰.

Тема чудесных животных таким образом получает у Вольтера дополнительное звучание, поскольку все эти существа не просто влюблены — они добиваются взаимности чувств, соединяются со своими избранницами и производят не менее чудесное чем они сами потомство.

С этой точки зрения, выбор *осла* на роль верного спутника Жанны д'Арк обретает особый смысл, ибо ни одно другое животное в Древней Греции не обладало столь стойкими сексуальными коннотациями²¹. Здесь существовала масса весьма непристойного характера мифов, главным действующим лицом которых выступал именно осел. Он становился непременным участником празднеств в честь бога Диониса — фаллогогий, кульминацией которых являлся торжественный вынос фаллоса²². Осел символизировал и плодородие, поскольку был связан с культом хлеба, винограда и даже роз. Считалось также, что его копыто способствует внутриутробному развитию плода и помогает при родах, а вывешенный в саду или на поле череп ослицы влияет на оплодотворение²³.

Как отмечает С. В. Полякова, грекоязычная литература располагала несколькими произведениями, посвященными ослу, однако до нас дошло только одно из них — «Лукий, или осел» псевдо-Лукиана (II в.

²⁰ Вольтер. Указ. соч. С.235.

²¹ См. об этом: Фрейденберг О.М. Въезд в Иерусалим на осле (из евангельской мифологии) // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1998. С.623–665; Schmitt-Pantel P. L'âne, l'adultère et la cité // Le Charivari. Actes de la table ronde organisée à Paris (25–27 avril 1977) par EHESS et CNRS/Publiés par J.Le Goff et J.-C.Schmitt. P., 1981. P.117–122.

²² Bowie A. M. Aristophanes: Myth, Ritual, and Comedy. Cambridge, 1993. P.26–27, 201.

²³ Фрейденберг О.М. Указ. соч. С.635. С этой точки зрения, особенно любопытно, что Жанне помимо всего прочего в качестве грозного оружия достается челюсть ослицы (Вольтер. Указ. соч. С.26).

н. э.?)²⁴. В нем все перечисленные выше сексуальные ассоциации, связанные с интересующим нас животным, нашли свое подтверждение. Главный герой по имени Лукий, превращенный в осла посредством колдовства, переживает на протяжении романа целый ряд приключений, причем практически все они так или иначе касаются именно сексуальной сферы²⁵. Попытки Лукия найти розы, чтобы вернуть себе человеческий облик (т. е. буквально родиться заново); бегство от разбойников вместе с прелестной девушкой-пленницей на спине и предложение грабителей примерно наказать беглянку, зашив живьем в шкуру убитого осла (что можно интерпретировать как их насильственное соитие); пребывание в услужении у мельничихи (т. е. участие в производстве хлеба); попытки познакомиться с кобылами и последующие преследования со стороны жеребцов; сплетни, распускаемые погонщиком Лукия о том, что тот пристает к женщинам; наконец, действительное совокупление с влюбившейся в него женщиной — все это свидетельствует о восприятии осла в греческой культуре как *фаллического* животного.

Мы не можем утверждать со всей определенностью, что Вольтер читал роман псевдо-Лукиана²⁶. Однако тему чудо-осла, поднятую в этом произведении, он мог позаимствовать у Апулея, чьи «Метаморфозы», по единодушному мнению исследователей, являлись латинской адаптацией «Лукия» или были написаны под его сильным влиянием²⁷.

У Апулея, впрочем, тема осла получает несколько иное звучание, нежели у псевдо-Лукиана. Создав рамочную историю, где основной сюжет о судьбе несчастного Луция переплетается с вставными новеллами о людях, встреченных им на пути к спасению²⁸, автор особое внимание уделяет проблеме супружеской неверности, разного рода любовным изменам и прочим преступлениям на сексуальной почве,

---

²⁴ Полякова С. В. «Метаморфозы» или «Золотой осел» Апулея. М., 1988. С.24–27.

²⁵ Текст романа см.: Лукиан. Лукий, или осел // Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел. М., 1969.

²⁶ О возможном влиянии псевдо-Лукиана на писателей Возрождения и Нового времени см.: Ordine N. Le Mystere de l'ane: essai sur Giordano Bruno. P., 1993. P.109.

²⁷ Грабарь-Пассек М. Е. Апулей // Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М., 1993. С.357–372; Полякова С. В. Указ. соч. С.19–47; Фрейденберг О. М. Указ. соч. С.646–649.

²⁸ О структуре «Золотого осла» см.: Полякова С. В. Указ. соч. С.61–89.

свидетелем которых постоянно оказывается осел²⁹. Уже самая первая история, рассказанная попутчиками Луция (тогда еще человека), настраивает читателя «Метаморфоз» на определенный лад, поскольку речь в ней идет о некоей кабатчице Мерое, превратившей своего неверного любовника в бобра³⁰. Затем следуют рассказ о жене-прелюбодейке, отравившей собственного мужа³¹; новелла об Амуре и Психее, ставшая в европейской литературе Возрождения и Нового времени самостоятельным произведением³²; история Хариты, погибшей вместе с ее мужем Глеполемом из-за коварства Транзилла, с давних пор влюбленного в девушку и мечтающего на ней жениться³³; история рабыни, из ненависти к неверному мужу погубившей и его самого, и их общего ребенка³⁴; история ремесленника, чья жена прятала любовника в бочке во дворе собственного дома³⁵; история сладострастной мельничихи, муж которой, прознав о ее проделках, присвоил себе ее любовника³⁶; история еще одной прелюбодейки, на этот раз жены сукновала³⁷; наконец, история мачехи, полюбившей своего пасынка, отвергнутой им и задумавшей его погубить³⁸.

²⁹ На эту особенность обращала внимание еще М.Е.Грбарь-Пассек: «В основную фабулу вплетены двенадцать новелл... большинство их носит характер авантюрно-уголовный и в то же время эротический» (*Грбарь-Пассек М.Е.* Указ. соч.).

³⁰ «Любовника своего, посмеявшего полюбить другую женщину, единым словом она обратила в бобра, так как зверь этот, когда ему грозит опасность быть захваченным, спасается от погони, лишая себя детородных органов; она надеялась, что и с тем случится нечто подобное за то, что на сторону понес свою любовь» (*Апулей. Метаморфозы.* Кн.1. § 9).

³¹ Там же. Кн.2. § 21–30.

³² Там же. Кн.4. § 28 — Кн.6. § 24. Наиболее известной переработкой новеллы Апулея является басня Лафонтена «Психея»: *Ермоленко Г.Н.* Пасторальные мотивы в творчестве Ж. де Лафонтена // Миф-Пастораль-Утопия. Литература в системе культуры: Материалы научного межрегионального семинара. Сборник научных трудов. Вып.1. М., 2004. С.24–35; *Осокин М.Ю.* «Psyché» Жана де Лафонтена: жанр как сюжет // Язык.Текст. Слово: Филологические исследования/Отв. ред. А.Л.Гринштейн. Самара, 2004. С.132–140; *Maud A.* Le conte de Psyché chez Apulée et La Fontaine // *Folia Electronica Classica.* Juin-déc.2002. N 4/<http://bcs.fltr.ucl.ac.be/FE/04/TM4.html>.

³³ *Апулей.* Указ. соч. Кн.8. § 1–14.

³⁴ Там же. Кн.8. §-22.

³⁵ Там же. Кн.9. § 5–7.

³⁶ Там же. Кн.9. § 15–30.

³⁷ Там же. Кн.9. § 24–25.

³⁸ Там же. Кн.10. § 2–12.

Основной сюжет псевдо-Лукиана в «Метаморфозах» также подвергается изменениям. Попав к разбойникам, Луций встречается с Харитой (история жизни которой становится затем отдельной новеллой). При взгляде на прекрасную пленницу — «девицу, способную даже в таком осле, как я, возбудить желание»³⁹ — он влюбляется в нее и всячески выражает свои чувства во время совместного неудачного побега: «Неоднократно даже, повернув шею, будто для того, чтобы почесать спину, я целовал красивые девичьи ноги»⁴⁰. Сцена с наказанием беглецов также обретает новое звучание, когда вместо зашивания Хариты в шкуру убитого осла новый член разбойничьей шайки предлагает продать ее в публичный дом: «У меня у самого, когда я еще водился со сводниками, был знакомый, который немало талантов, полагаю, дал бы за такую девушку... чтобы приспособить ее к ремеслу потаскушки; ... а ваша жажда мщения была бы в какой-то мере удовлетворена, раз она попала бы в публичный дом»⁴¹. Впрочем, мечтам разбойников не суждено осуществиться — их новый компаньон оказывается женихом девушки, который, опоив и связав похитителей, освобождает ее и отправляет в город, усадив все на того же осла⁴².

* * *

Как мне представляется, именно эта история тайной любви Луция к Харите и могла стать для Вольтера источником вдохновения: ведь в «Орлеанской девственнице» имеются прямые отсылки к Апулею и его ослу⁴³. Собственно, уже предисловие «отца *Апулея* Ризория бе-

---

³⁹ Там же. Кн.4. § 23.

⁴⁰ Там же. Кн.6. § 28.

⁴¹ Там же. Кн.7. § 9.

⁴² Там же. Кн.7. § 12–13.

⁴³ Как ни странно, вопрос о явном влиянии Апулея на Вольтера до самого последнего времени не становился предметом специального рассмотрения. Мельком о «традиции комической литературы» упоминает Г.Н.Ермоленко, которая, однако, никак не развивает свой тезис и не указывает на прямую связь между «Метаморфозами» и «Орлеанской девственницей»: *Ермоленко Г.Н.* Поэма Вольтера. С.45. Американская исследовательница Нелли Северин, такую связь все же допускающая, полагает однако, что крылатый осел принадлежал не Жанне, а св. Денису и являлся *его* спутником (животным-символом), пародирующим компаньонов других средневековых святых — таких, как свинья св. Антония или собака св. Роша: *Severin N.H.* Voltaire's Saint Joan: a Burlesque on Saints and Chastity//South Central Bulletin. 1976. N 36. P.150–152. Насколько можно судить, только в недавней монографии Дженифер Цин мотиву осла и проблеме влияния Апулея на Вольтера было уделено специаль-

недиктинца», предпосланное основному тексту поэмы, должно было вызывать у читателя совершенно определенные ассоциации. Так же как в «Метаморфозах»⁴⁴, крылатый осел Жанны д'Арк иронически сравнивался с Пегасом, крылатым конем Беллерофонта, победившего с его помощью Химеру⁴⁵. Так же, как и Луций, посредством волшебства превращенный в животное, осел Вольтера оказывался «ненастоящим», когда в него вселялся демон: они оба мыслили и вели себя как люди, вызывая удивление своих хозяек. «Причислен ты будешь к древним чудесам... Если правда, что Юпитер мычал, обратившись в быка, может быть, и в моем осле скрывается какое-нибудь человеческое лицо или божеский лик?» — восклицала Харита⁴⁶, и Жанна вторила ей: «Ужели это мой осел? Вот чудо!/Он говорит, и говорит не худо!»⁴⁷. Идентичными выглядели и сравнения ослов с другими чудесными животными из греческих мифов, использованные в обеих поэмах: Апулей вспоминал Фрикса, «переплывшего море на баране», Дриона, «правившего дельфином», и Европу с ее быком⁴⁸; Вольтер говорил о Леде, Ариадне, Ганимеди и Филире⁴⁹. И хотя автор «Орлеанской девственницы» отказывал своему персонажу в родстве с главным героем «Метаморфоз»⁵⁰, сам осел в речи, обращенной к Жанне, давал понять, что

ное внимание: *Tsien J.* Op. cit. P.371–389 (Ch. 3: The Animal Epic). Автор, однако, интерпретирует данную тему в рамках карнавальной теории М.М.Бахтина: с ее точки зрения, «боевой» осел Жанны д'Арк указывал всего лишь на низкое социальное положение героини, лишавшее ее права считаться настоящим героем (рыцарем). Та же идея в свое время была высказана и Уильямом Калином: *Calin W.* Op. cit. P.38, 43–44. Таким образом, сексуальные коннотации, в первую, как мне представляется, очередь заимствованные Вольтером у Апулея, остаются до сих пор совершенно неисследованными.

⁴⁴ «Снова ты принялся хромать и шататься, и ноги твои гнилые бегать могут, а идти не умеют? А только что ты крылатого Пегаса быстротой превосходил!» (Апулей. Метаморфозы. Кн.6. § 30).

⁴⁵ «Рассказом поделиться об осле/Святом Пегасе с длинными ушами» (Вольтер. Указ. соч. С.229).

⁴⁶ Апулей. Указ. соч. Кн.6. § 29.

⁴⁷ Вольтер. Указ. соч. С.232.

⁴⁸ Апулей. Указ. соч. Кн.6. § 29.

⁴⁹ Вольтер. Указ. соч. С.235.

⁵⁰ «Ослу не верьте никогда. Осел / Был у латинян, золотой, чудесный, / Своими превращениями известный, / Но он был человек, и потому / За нашим не угнаться и ему» (Там же. С.230).

история Луция — часть его собственной жизни: «Впоследствии — о чем и не жалею — /Я создал знаменитость Апулею»⁵¹.

Декларируемая таким оригинальным образом полная идентичность двух персонажей естественным образом подразумевала, что восприятие осла как *фаллического* животного у Апулея и, соответственно, его присутствие во всех сценах «Метаморфоз», имеющих сексуальные коннотации, были также заимствованы Вольтером. Впрочем, как мне представляется, заимствование это происходило на более глубоком уровне, чем может показаться на первый взгляд.

Выше уже говорилось, что практически все вставные новеллы поэмы Апулея посвящены теме супружеской измены, в связи с чем мотив осла получал здесь совершенно особое — *правовое* — прочтение. Дело в том, что обычным для судов Древней Греции наказанием за адюльтер являлась так называемая *прогулка на осле*. Верховом на нем виновная в супружеской измене женщина должна была объехать весь город в сопровождении глашатая и толпы любопытных зрителей. После экзекуции она изгонялась навечно из своего полиса, лишаясь таким образом прав гражданства⁵². Очевидно, что Апулею была хорошо известна как сама эта традиция, так и заложенный в ней символический смысл. Ведь поездка верхом на осле интерпретировалась современниками как акт *совокупления*, на что указывал, прежде всего, термин, обозначающий прелюбодейку: «Выражение „шествовать на осле“ имеет значение по-гречески, как неожиданно поясняет античный глоссарий, определенного термина — „совокупляться с ослом“, и, таким образом, женщину-„онобату“ следует понимать не как „шествующую на осле“, но как „оплодотворенную ослом“, „сходящуюся с ослом“»⁵³.

С этой точки зрения, история Хариты и влюбленного в нее Луция получала у Апулея совершенно особое прочтение. Описание поездок девушки верхом на осле, решение разбойников зашить ее в наказание в его шкуру и, наконец, предложение переодетого Тлеполема продать пленницу в публичный дом и сделать из нее проститутку со всей очевидностью говорили о том, что юная Харита уже утратила свою невинность, а потому не сможет стать добропорядочной замужней женщиной. Не случайно Апулей в насмешку сравнивал возвращение девушки из плена с въездом в Иерусалим Иисуса Христа на осли: «Картина была небывалая и, клянусь Геркулесом, достопамятная — как

⁵¹ Там же. С.233.

⁵² Schmitt-Pantel P. Op. cit. P.120–121.

⁵³ Фрейденберг О. М. Указ. соч. С.645.

дева в триумфе торжественно въезжает верхом на осле»⁵⁴. Божий сын, чья святость не подлежала сомнению, имплицитно противопоставлялся здесь потерявшей стыд Харите.

Если допустить, что именно история, рассказанная Апулеем, оказала влияние на Вольтера, следует признать, что его трактовка образа Жанны д'Арк значительно сложнее, чем это признавалось исследователями ранее. Главная героиня «Орлеанской девственницы» должна была восприниматься читателями не как юная неопытная девушка, с трудом отбивающаяся от предложений любви, поступающих к ней со всех сторон, но как обманщица, потерявшая невинность, спутавшись с собственным ослом.

Насколько можно судить, первые читатели Вольтера прекрасно поняли скрытые в его поэме намеки, ибо скандал, разразившийся во Франции после публикации «Орлеанской девственницы», явно превосходил по своим масштабам ожидания автора и не утихал еще в течение последующих ста лет. Настоящую антивольтеровскую кампанию развернул монсеньор Феликс Дюпанлуп, епископ Орлеана и главный заступник Жанны д'Арк, активно выступавший в 1867 г. против возведения памятника выдающемуся мыслителю и против торжеств в его честь в 1878 г.⁵⁵ Борьба с «вольтеризмом» мыслилась этим достойным представителем церкви не иначе как борьба за доброе имя французской героини. Он не скрывал, что именно публикация поэмы подтолкнула его начать долгий процесс по канонизации «девственницы Домреми», сторонники которого не стеснялись именовать Вольтера «осквернителем Франции и ее народа, осквернителем нравов и [памяти] Жанны д'Арк», «аморальным комедиографом» и «старшим сыном Сатаны»⁵⁶...

И все же, справедливости ради следует заметить, что идея свети вместе национальную французскую героиню и столь сомнительное, со всех точек зрения, животное, как осел, принадлежала вовсе не Вольтеру. Образ Жанны-распутницы не был его собственным изобретением. Тема осла применительно к событиям Столетней войны пользовалась популярностью уже в XVI в. — в английских источниках, как сугубо исторических, так и литературных.

* * *

---

⁵⁴ Апулей. Указ. соч. Кн.7. § 13. О близости этого отрывка к библейской сцене и об отношении Апулея к христианству см.: Полякова С.В. Указ. соч. С.9–10.

⁵⁵ Подробнее см.: Krumeich G. Op. cit. P.172, 196–208.

⁵⁶ Ibidem. P.198, 202.

Собственно, о распущенности Жанны д'Арк и ее аморальном поведении в армии английские авторы начали писать еще при жизни героини, в 20–30 гг. XV в. Обет девственности, данный девушкой, казался им настолько странным и пугающим, что их основные усилия были направлены на развенчание образа «святой» девы и на создание *собственного* мифа о королевской «ведьме и проститутке» — мифа об утрате девственности, что, с точки зрения англичан, делало Жанну уязвимой и должно было привести ее к гибели⁵⁷. Обвинение в проституции (наряду с обвинениями в колдовстве и ереси) было одним из основных на процессе, возбужденном против Жанны д'Арк в 1431 г.⁵⁸. И хотя ее реабилитация в 1456 г. расставила, казалось бы, все точки над «i», английские авторы XVI в. продолжали последовательно развивать излюбленный сюжет. И именно в это время в их сочинениях зазвучала тема осла.

Впервые, насколько можно судить, она возникла у Эдварда Холла (1498–1547), юриста по образованию, занимавшего на протяжении своей жизни самые различные должности в городском суде Лондона⁵⁹. Около 1532 г. он закончил свою хронику, озаглавленную «The Union of the Noble and Illustre Famelies of Lancastre and York»⁶⁰, и опубликовал ее в 1542 г. Весьма подробно излагая в ней историю Жанны д'Арк, Холл особое внимание уделял неудавшемуся штурму французскими войсками Парижа, так и не сдавшегося на милость Карла VII. Жанна, принимавшая самое активное участие в операции, по словам автора, была в какой-то момент ранена (что соответствовало действительности) и упала вниз с крепостной стены, в ров. Однако, оказалась она

---

⁵⁷ Подробнее об этом: *Тогоева О.И.* Карл VII и Жанна д'Арк. Утрата девственности как утрата власти // *Поблекшее сияние власти. Материалы круглого стола* / Отв. ред. М.А. Бойцов. М., 2006. С. 52–83.

⁵⁸ «Domini Petri, miseracione divina Belvacensis episcopi, ... prout sibi de jure licet et pertinet, contra quandam mulierem, vulgariter la Pucelle nuncupatam, se inordinate preter et contra statum muliebrem et sexum derelicto omni pudore gerentem et inverecunde habentem» (Procès de condamnation de Jeanne d'Arc / Ed. par P. Tisset. P., 1960. T. 1. P. 16). См. об этом: *Тогоева О.И.* «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 147–181.

⁵⁹ *Creighton M. Hall, Edward* // *Dictionary of National Biographies*. L., 1908. T. VIII. P. 947; *Калмыкова Е.В.* Исторические представления англичан XIV–XVI вв. о Столетней войне. Формирование английского национального самосознания. М., 2002 (на правах рукописи). С. 105–106.

⁶⁰ *Hall E. Chronicle Containing the History of England during the Reign of Henry IV and the Succeeding Monarchs* / Ed. by H. Ellis. L., 1809.

не под ногами своих же сторонников и не под копытами их боевых коней — вся перепачканная грязью и отбросами, она лежала *под задом осла* до тех пор, пока слуга герцога Алансонского, Гишар де Тьенброн, не вынес ее с поля боя⁶¹.

Хроника Холла пользовалась в Англии большой популярностью. Она дважды переиздавалась уже после смерти автора — в 1548 и 1550 гг. — лондонским печатником Ричардом Графтоном (ум. 1572 г.), который под конец жизни также решил заняться историей и опубликовал два собственных произведения: «*Abridgement of the Chronicles of England*» (1463) и «*Chronicle or History of England*» (1468)⁶². Последняя являла собой обширную компиляцию из трудов предшественников Графтона и, в частности, Холла, у которого оказался позаимствован и выдуманный эпизод с ослом: Жанна, сброшенная с городских стен, вновь оказывалась под его задом⁶³.

Под влиянием Холла тема осла проникла — правда, в несколько измененном виде — даже в «Генриха VI» Шекспира, первая часть которого была создана в 1592 г. Хотя сама Жанна и была лишена здесь своего «привычного» спутника, ее сторонники, французские солдаты и офицеры, получили обидное прозвище «погонщиков мулов»⁶⁴, что лишней раз — но в полном соответствии с английской традицией — указывало на их мужскую несостоятельность⁶⁵.

Таким образом тема осла и связанные с нею ясные сексуальные коннотации применительно к эпопее Жанны д'Арк еще в XVI в. прижились в английской исторической литературе. Однако, сказать, читал ли хроника Холла, оказавшего столь большое влияние на своих соотечественников, Вольтер, значительно сложнее. Скорее, идею со-

⁶¹ «And threwe doune Ione, their greate goddesse, into the botome of the tounne ditche, where she laie behynd the backe of an Asse, sore hurte, till the tyme that she all filthy with mire and dorte, was drawen out, by Guyschard of Thienbrone, seruaunt to the duke of Alaunson» (Ibidem. P.155, курсив мой — О.Т.).

⁶² Lee S. Grafton, Richard // Dictionary of National Biographies. T.VIII. P.310–313; Калмыкова Е.В. Указ. соч. С.106–107.

⁶³ «Threw doune Ione, their great Goddess, into the botome of the towne ditche, where shee lay behinde the backe of an Asse... till the tyme that she all filthie with mire and durt, was drawen out, by...seruaunt to the Duke of Alaunson» (Grafton's Chronicle or History of England to Which Is Added His Table of the Bailiffs, Sheriffs, and Mayors of the City of London (from the year 1189 to 1558 inclusive). Vol.1–2. L., 1809. T.1. P.587).

⁶⁴ «Погонщики мулов!/Как мужики, засели за стеной;/Не смеют выйти в поле, как дворяне» (Шекспир. Генрих VI. Ч.I.Акт 3. Сцена 2, перевод Е.Бируковой).

⁶⁵ Подробнее см.: Тогоева О.И. Карл VII и Жанна д'Арк. С.74–75.

единить образ Жанны с образом осла он мог почерпнуть из другого, причем хорошо знакомого ему источника — «Хроники» Энгеррана Монстреле (1390-1453), приверженца герцога Бургундского и, в силу этого, противника Карла VII и его сторонников⁶⁶.

Хроника Монстреле охватывала всю эпопею Жанны д'Арк и была для своего времени одним из самых авторитетных сочинений⁶⁷. Неслучайно многие английские авторы пользовались ею в качестве источника. В их число, без сомнения, входил и Эдвард Холл, поскольку его пассаж об осла в крепостном рву *дословно* повторял текст его бургундского коллеги: «Во время этого штурма были повержены многие французы... Среди них и Дева, серьезно раненная и проведенная во рву, *под задом осла*, весь день до вечера, когда Гишар де Шьемброн и другие [солдаты] пришли за ней»⁶⁸.

Образ самой Жанны, как представляется, также сформировался в английских источниках XVI в. не без влияния Монстреле. В его хронике все выдающиеся, с точки зрения ее сторонников, особенности французской героини были подвергнуты сомнению. Так, Монстреле вовсе не был уверен в том, что Жанна чудесным образом послана самим Господом для спасения страны. «Она *сама заявляла*, что избрана Богом», — писал он⁶⁹, ставя таким образом под вопрос истинность данного факта. Точно так же бургундский хронист отказывался верить в крестьянское прошлое Жанны, настаивая на том, что «большую

⁶⁶ Об использовании хроники Монстреле Вольтер сообщал в собственных комментариях к «Орлеанской девственнице»: *Вольтер*. Указ. соч. С.253, 274.

⁶⁷ *Tyl-Labory G. Enguerrand de Monstrelet // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age/Sous la dir. de G.Hasenohr, M.Zink.P., 1992. P.409–410.* Впервые напечатанная в Париже в 1490 г., хроника Монстреле в XVI в. выдержала еще по крайней мере три переиздания: *Michaud-Fréjaville F. Personne, personnage: Jeanne d'Arc en France au XVIIe siècle // Cahiers de recherches médiévales.2005. N 12 spéc.: Une ville, une destinée: Recherches sur Orléans et Jeanne d'Arc.En l'honneur de Françoise Michaud-Fréjaville. P.231–248.*

⁶⁸ «Durant lequel assault furent renversés et abatus plusieurs desdiz François... Entre lesquels la Pucelle fut très fort navrée, et demoura tout le jour ès fossés *derrière une dodenne*, jusques au vespres, que Guichard de Chiembronne et aultres, l'alèrent querre» (*Monstrelet E. de. La chronique en deux livres avec pièces justificatives, 1400–1440/Ed. par L.Douët-d'Arcq.P., 1890. T.IV.P.355, курсив мой — О.Т.*). Согласно словарю Годфруа, старофранцузское слово «*dodenne*» обозначает буквально «спина осла» (*Godfroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle. P., 1883. T.2. P.734.*)

⁶⁹ «Elle fust inspirée de Dieu, comme elle *se disoit* estre» (*Monstrelet E. de. Op. cit. P.315, курсив мой — О.Т.*).

часть своей жизни она была служанкой в таверне» в родном Домреми⁷⁰. Именно там, как считал Монстреле, девушка и могла освоить «верховую езду, воинское искусство и другие приемы, на которые не способны молодые особы»⁷¹. Эта выдумка на самом деле имела под собой вполне логичное основание, ведь средневековая таверна обычно представляла собой постоянный двор, где останавливались солдаты, с которыми, очевидно, Жанне и приходилось иметь дело.

Однако указание на место службы имело еще одно дополнительное значение, автоматически ставившее под сомнение девственность героини, ибо любая таверна воспринималась людьми средневековья прежде всего как публичный дом, где постоянно проживали проститутки, а хозяйка исполняла одновременно роль сводни⁷². Именно на этих представлениях базировались обвинения в проституции, выдвинутые против Жанны д'Арк на процессе 1431 г.⁷³. На том же основании Монстреле, не читавший материалов процесса, не только отказывался верить в декларируемую ею девственность, но и недвусмысленно намекал на ту роль, которую играла Жанна в войсках⁷⁴. Что же касается осла, под ноги которого она падала, по версии Монстреле, со стен Парижа, то и он должен был добавить совершенно определенные штрихи к уже намеченному автором портрету.

Дело в том, что античная традиция восприятия осла как фаллического животного была заимствована на средневековом Западе в несколько измененном виде. В частности, прогулка на осле уже не применялась здесь в качестве наказания к женщинам, совершившим адюльтер (отныне на осла предпочитали усаживать обманутых мужей прелюбодеек)⁷⁵. Однако связь этого животного с недостойным поведе-

⁷⁰ «Laquelle Jehenne fu grand espace de temps meschine en une hostellerie» (Ibidem. P.314).

⁷¹ «Et estoit hardie de chevalchier chevaulx...et aussy de faire appertises et aultres habiletez que josnes filles n'ont point acoustumé de faire» (Ibidem).

⁷² См. об этом: *Rossiaud J.* La prostitution médiévale. P., 1988; *Karras R. M.* Common Women. Prostitution and Sexuality in Medieval England. N.Y., 1996.

⁷³ Подробнее см.: *Тогоева О. И.* «Истинная правда». С.147–149.

⁷⁴ «Si se disoit estre pucelle, inspirée de la grace divine, et qu'elle estoit envoyée devers uceluy Roy pour le remettre en la possession de son royaume» (*Monstrelet E. de.* Op. cit. P.315, курсив мой — *О.Т.*).

⁷⁵ О системе символических наказаний, принятых в средневековой Европе в отношении преступлений, совершенных на сексуальной почве и имеющих греко-византийскую традицию, см.: *Тогоева О. И.* Униженные и оскорбленные. Мужская честь и мужское достоинство в средневековом суде // Казус. Индивидуальное и уникаль-

нием женщин сохранялась. Особенно ярко проявлялась она, конечно, в ситуации карнавала, во время которого во многих европейских городах разыгрывалась библейская сцена бегства в Египет⁷⁶. При этом роль непорочной Девы Марии часто могла исполнять одна из местных проституток, которую роскошно одевали, усаживали на осла, проводили по улицам города и в честь которой служили торжественную литургию, бляя по-ослиному⁷⁷. То, что поездка на осле могла иметь самые негативные последствия для репутации той или иной девицы, обыгрывалось и в художественной литературе средневековья. Так, в комическом трактате «Евангелия от прях», изданном в самом конце XV в. в Брюгге, анонимный автор доверительно сообщал своим читателям, что «мудрому мужчине» совсем не подобает ездить верхом на осле, несмотря на то, что так передвигались и сам Иисус Христос, и Мария, «которой от этого *ничего не было*»⁷⁸. Что же касается карнавала, не стоит также забывать и образ шута, чей серый костюм и обязательная шапочка с длинными ушами указывали на его ослиную природу. Шуту на карнавале позволялись самые разные вольности, он мог свободно приставать на улицах к женщинам и девушкам, брать их за руки, обнимать за талию и даже хватать за грудь, что в обычной жизни было совершенно недопустимо, поскольку являлось знаком сексуального насилия⁷⁹.

Таким образом, сведя Жанну д'Арк с ослом, Монстреле совершенно недвусмысленно давал понять своим читателям, что перед ними — обманщица, давно потерявшая невинность в публичном доме, а с момента своего появления в войсках Карла VII превратившаяся в обычную

ное в истории — 2006 / Под ред. М.А.Бойцова, И.Н.Данилевского. Вып.8. М., 2007 (в печати).

⁷⁶ О параллельном заимствовании античной темы осла в христианском культе и карнавальная культуре см.: *Фрейдсберг О.М.* Указ. соч. С.653–654.

⁷⁷ Подробные описания см.: *Greene H.C.* The Song of the Ass // *Speculum*. 1931. Vol.6. №4. P.534–549; *Рутин М.Ю.* Народная культура Германии. М., 1996. С.26; *Коллязин В.Ф.* От мистерии к карнавалу. Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья. М., 2002. С.99.

⁷⁸ «Onques homme sage ne monta sur asne, pour l'onneur de Nostre Seigneur, qui dessus monta, mais très bien sur cheval, car qui chiet de l'asne, il dit: „crieve“ et qui chiet de cheval, il dit: «lieve». Glose. Sur cest article se puet faire un argument, car quant Joseph mena la Vierge Marie en Egypte, elle monta sur un asne et toutesfois elle *n'en eut nul grief*». (Les évangiles des quenouilles/Ed. critique, introd. et notes par M.Jeay.Montreal, 1985. P.90, курсив мой — *О.Т.*).

⁷⁹ *Gauvard C.* «De grace especial». Crime, Etat et société en France à la fin du Moyen Age. P., 1991. P.726–727.

армейскую проститутку. Выдумка бургундского хрониста положила начало целой историографической традиции, причем не только английской. Даже французские авторы вплоть до начала XVIII в. использовали миф о проститутке-служанке из таверны, дабы развенчать образ девственной спасительницы королевства. В 1570 г. Жирар дю Эйан (Haillan) в своем сочинении «De l'estat et mercy des affaires de France» настаивал на том, что в любовниках Жанны ходили буквально все прославленные французские полководцы: бастард Орлеанский, Робер де Бодрикур, Потон де Сантрай⁸⁰. В 1715 г. историю о «прислуге на постоялом дворе» воспроизвел в «Abrégé de l'histoire de France» Боссюэ⁸¹. Тех же взглядов на эпопею Жанны д'Арк придерживался и Поль Рапен-Тойра, французский протестант, укrywшийся в Англии, автор много-томной «Histoire d'Angleterre» (1724-1736), прямо заявлявший, что более других источников он доверяет «Хронике» Монстреле⁸².

Что же касается собственно английских сочинений, то здесь выдумки Монстреле оказались дополнены новыми вымыслами. Так, Эдвард Холл (а вслед за ним и Ричард Графтон), слово в слово повторяя пассаж о служанке с постоялого двора, научившейся там ездить верхом и владеть оружием⁸³, заявлял, что Жанна была настоящей уродкой и ни один мужчина не желал близости с ней⁸⁴. Хотя оба автора и упоминали о якобы данном девушкой обете девственности, ее слова они называли «выдумками» и «фантазиями», которым доверять вовсе не следовало⁸⁵. Графтон

---

⁸⁰ «Les uns disent, que cette Jeanne étoit la maîtresse de Jean, bastard d'Orléans, les autres du sire de Baudricourt, les autres le Pothon» (Цит. по: *Marot P. De la réhabilitation à la glorification de Jeanne d'Arc. Essai sur l'historiographie et la culte de l'héroïne en France pendant cinq siècles // Mémoires du Ve centenaire de la réhabilitation de Jeanne d'Arc, 1456-1956. P., 1958. P.85-164, здесь P.94).*

⁸¹ «Servante d'auberge» (Цит. по: *Ibidem. P.105).*

⁸² *Ibidem. P.112; Verduyze J. Op. cit. P.1695-1696.*

⁸³ «There came a mayd... named Ione,...which was a greate space a chamberleyn in comen hostery, and was a rampe of such boldnesse, that she would course horsse... and do thynges, that other yong madens, bothe abhorred and wer ashamed to do» (*Hall E. Op. cit. P.148; Grafton's Chronicle or History of England. P.580).*

⁸⁴ «Yet as some say, whether wer because of her foule face, that no man would desire it... She (as a monster) was sent to the Dolphin» (*Hall E. Op. cit. P.148; Grafton's Chronicle or History of England. P.580).*

⁸⁵ «Rehersyng to hym, visions, traunses, and fables, full of blasphemy, supersticion and hypocrysy, that I maruell much that wise men did beleue her, and lerned clarkes would write suche phantasies» (*Hall E. Op. cit. P.148; Grafton's Chronicle or History of England. P.580).*

подробно останавливался также на пребывании Жанны в армии, замечая, что в прежние времена ни одна римская матрона не позволяла себе разговаривать с мужчинами в публичных местах⁸⁶, тогда как «эта денно и нощно общается с солдатами и военными, что совершенно недостойно, аморально и бесчестно»⁸⁷. Уважающие себя женщины так себя вести не должны, а потому, заключал Графтон, Жанна — непорядочная особа и не может быть названа святой⁸⁸. Еще более ясно свое отношение к французской героине формулировал Шекспир. Его Жанна д'Арк, вне всякого сомнения, оказывалась настоящей армейской проституткой⁸⁹, не помнящей даже, от кого именно она ждет ребенка: от Карла VII, герцога Алансонского или Рене, короля Неаполя⁹⁰.

Образ распутницы, навязываемый английскими авторами XVI в. Жанне д'Арк, должен был поставить под сомнение ее роль в Столетней войне, опорочить сам факт многочисленных побед французских войск, одержанных с ее помощью, ибо оказывалось, что добыты они были нечестным путем. Доверие, оказанное Жанне Карлом VII и его военачальниками, с точки зрения англичан, являлось всего лишь следствием ее развратного образа жизни. Поставив во главе своего войска проститутку, король не мог рассчитывать на то, что его действия по спасению страны будут сочтены достойными, а его война — справедливой⁹¹. Конечно, подобное отношение к успехам Жанны д'Арк на во-

⁸⁶ «First shamefastnesse, which the Romaine Ladies so kept, that seldome or neuer they were seene openly talking with a man» (Grafton's Chronicle or History of England. P.589).

⁸⁷ «Where was her shamfastnesse, when she daylie and nightly was conuersant with comen souldiours and men of warre, amongst whome is small honestie, lesse vertue and shamefastnesse least of all exercised or vsed?» (Ibidem).

⁸⁸ «So that if these morall vertues lacking, she was no good woman, then it must needes consequently folow, that she was no saint» (Ibidem. P.590).

⁸⁹ «Злой дух французов! Мерзостная ведьма!/Среди толпы любовников своих/Тебе ли над седиными глумиться,/Полуживого в трусости корить?/С тобою, девка, снова я сражусь,/Не то от срама пусть погибнет Толбот» (Шекспир. Генрих VI. Акт III. Сцена 2).

⁹⁰ «Меня простите, вас я обманула:/Не Карл, не Алансон меня пленил:/То был Рене, Неаполя король./Женатый человек! Недопустимо!» (Там же. Акт V. Сцена 4).

⁹¹ Подобное отношение к Жанне д'Арк и ее роли в Столетней войне стало меняться в Англии только в самом конце XVIII в.: Sullivan K. «La justice magnanime des anglais». Les biographes britanniques de Jeanne d'Arc // Jeanne d'Arc entre les nations/Etudes réunies par T. Hoenselaars, J. Koopmans. Amsterdam-Atlanta, 1998. P.115–132.

енном поприще не было следствием одного лишь влияния «Хроники» Монстреле — оно сформировалось еще в 30-х гг. XV в⁹². и просуществовало вплоть до XVIII в⁹³. Однако, образ, созданный бургундским хронистом, не был лишен известного изящества. Вместо прямых оскорблений, переполнявших в свое время английские пропагандистские сочинения⁹⁴, он использовал тонкие намеки, хорошо знакомые его современникам и ближайшим потомкам символические подтексты вполне обычных, на первый взгляд, явлений — обета девственности, визионерства, службы на постоянном дворе. И именно этим привлек внимание своих английских последователей.

* * *

Этой же «находкой» Монстреле воспользовался, как представляется, и Вольтер, задумывая «Орлеанскую девственницу». Его Жанна также предстала перед читателями в виде «горничной, дебелой и румяной», с мускулистыми руками, твердой грудью, что «попу, бойцу и книжнику мила», способной отвесить оплеуху любому, кто «ее за грудь или за бедра шиплет». Она все также заботилась о «лошадях таверны», разливала вино, таскала мешки — пока за ней не являлся св. Денис: «Денис спешит, — чудно, но это так, — /На поиски невинности в кабаке»⁹⁵. Чтобы сделать свою мысль еще более доходчивой, изменения в судьбе своей героини Вольтер сравнивал с изменениями в жизни какой-нибудь юной белошвейки, вместо публичного дома попадающей в постель к королю: «Или, скорей, так швейка молодая, /Которую природа с юных лет /Готовила в бордель или в балет, /... Когда ее Амур, везде порхая, /Кладет под короля, меж двух простынь»⁹⁶. Появление в жизни Жанны крылатого осла должно было таким образом завершить общую

⁹² Об английской пропаганде XV в., направленной на очернение Жанны д'Арк в рамках дискурса справедливой войны, см.: *Тогоева О.И.* «Истинная правда». С.175, 180.

⁹³ *White K.* A Complete History of England. L., 1706. P.357–366; *Vercruyse J.* Op. cit. P.1661–1695, 1724–1725.

⁹⁴ Как о «непристойной и уродливой женщине, которая одевается как мужчина и ведет развратный образ жизни», писал о Жанне в сентябре 1429 г. герцог Бедфорд. «Проституткой, переодетшейся девственницей» и «женщиной, выдающей себя за девственницу» называл ее анонимный автор созданного примерно в то же время «Английского ответа на *Virgo puellares*» (*Тогоева О.И.* Указ. соч. С.175).

⁹⁵ *Вольтер.* Указ. соч. С.21.

⁹⁶ Там же. С.25.

картину событий, дабы у читателей не осталось ни малейших сомнений в нравственном облике Девы.

Заимствовав у Апулея тему осла как фаллического животного, катание на котором означало в символическом плане потерю девственности, Вольтер развил этот мотив, доведя его, при помощи хроники Монстре-ле, до логического конца. Ею Жанна д'Арк не только теряла девственность, на что указывало наличие у нее чудесного спутника (как это, без сомнения, происходило и с римской Харитой)⁹⁷. Вопреки надеждам св. Дениса, она оказывалась вполне сговорчивой особой, готовой отдаться влюбленному в нее Дюнуа, несмотря на то, что подобное поведение носило, возможно, непоправимый урон будущему Франции.

Однако именно в этом противоречии между утратой девственности и окончательной победой французских войск над врагом и состояла главная задумка великого «либертинца»⁹⁸. Если для противников Жанны д'Арк, англичан, обвинение ее в проституции подразумевало более тяжелое обвинение в ведении войны недостойными средствами, иными словами, несправедливой войны, то для Вольтера значение имело совсем другое. Используя тот же самый, что и английская традиция, мотив катания на осле он лишней раз указал на пусть скрытый, но продолжающий свое существование конфликт двух культур в восприятии французской национальной героини. Официальные обвинения английских военачальников и рожденные на их основании литературные мифы об армейской проститутке не имели, по мнению Вольтера, никакого отношения к истинной роли Жанны в Столетней войне и в истории ее страны. Именно поэтому они оказались столь иронично обыграны в «Орлеанской девственности». Впрочем, ее автор пошел еще дальше, направив свой талант на развенчание другого мифа, складывавшегося теперь уже во Франции, — мифа о святой деве, второй Деве Марии, чье житие, с его точки зрения, напоминало жизнь реальной Жанны д'Арк точно так же, как и история распутницы, едущей верхом на осле.

---

⁹⁷ Любопытно, что текст «Орлеанской девственности», опубликованный без ведома Вольтера в 1755 и 1756 гг., заканчивался сценой соблазнения Жанны ослом, которой в издании 1762 г. уже не оказалось. Исследователи до сих пор расходятся во мнениях, принадлежала ли столь фривольная концовка самому автору или была добавлена кем-то из почитателей его таланта (*Tsien J.* Op. cit. P.306–307).

⁹⁸ Как отмечает Герд Крюмейх, именно «Орлеанская девственность» позволила противникам Вольтера обвинять его в скрытой приверженности идеалам либертинцев (*Krumeich G.* Op. cit. P.34).